

ПРОБЛЕМА ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ ОБРАЗА ЦЕНТРАЛЬНОГО ПЕРСОНАЖА В РОМАНЕ Б.Л. ПАСТЕРНАКА «ДОКТОР ЖИВАГО»

Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: Філологія. Соціальні комунікації. Випуск 2(30)

Шошура С.М. Проблема естетичної природи образу центрального персонажа в романі Б.Пастернака «Доктор Живаго»; 16 с., кількість бібліографічних джерел – 18, мова російська.

Анотація. Естетична природа образу центрального персонажа в романі Б.Пастернака «Доктор Живаго» досліджується в статті на основі уявлення про якісну своєрідність естетичної свідомості, а також з урахуванням як соціального, так й індивідуально-неповторного моментів в особистості героя твору.

Ключові слова: естетична природа, образ центрального персонажа, якісна своєрідність естетичної свідомості, соціальне та індивідуально-неповторне в особистості.

«Доктор Живаго» – единственный роман в творчестве выдающегося представителя русской литературы XX века Б.Л.Пастернака. Появившееся более полувека тому назад, во времена «хрущевской оттепели», это произведение вызвало неоднозначную реакцию у читательской аудитории. Если знакомство с ним на Западе привело к присуждению писателю в 1958 году Нобелевской премии, то в СССР автор за роман подвергся разгромной критике. Само же произведение в Советском Союзе было опубликовано лишь накануне его распада, в 1988 году. Именно тогда, в период так называемой перестройки начался процесс реабилитации автора и его произведения. Попытки более объективного рассмотрения романа продолжаются и в постсоветское время, о чем свидетельствует количество исследований, многократно превышающих текст «Доктора Живаго». Однако считать этот процесс завершённым было бы преждевременным. Одним из подтверждений сказанного является проблема, вынесенная в заглавие данной статьи и ставшая предметом нашего рассмотрения, – проблема эстетической природы образа центрального персонажа романа.*

Следует, однако, признать, что интересующий нас вопрос затрагивался в работах, посвященных роману Б.Л.Пастернака. При этом немало исследователей полагает, что эстетическая природа главного героя книги Б.Л. Пастернака имеет ярко выраженный трагический характер. К примеру, А.Карпов считает, что «Юрий Живаго ... своей судьбой, содержанием своей личности убеждает в том, что за ним, а не за теми, кто выталкивает его из жизни, трагическая правда эпохи» [8,с.47]. О том, что «после «человеческой мясорубки» Гражданской войны ... существование и судьба его (Юрия Живаго – С.Ш.) становятся трагичными», – пишет Е.С.Роговер [13, с.431]. По мнению авторов пособия «Современная русская литература. 1958–1990-е годы», «Доктор Живаго» Б.Л.Пастернака «позволяет прозреть характер (центрального персонажа произведения – С.Ш.) на всю глубину, увидеть в его сумбуре и метаниях трагический и великий труд души, стремящейся преодолеть тьму и забвение и прикрепиться в вечности» [11, с.75]. Правда, во всех приведенных случаях остается неясным, что же конкретно в романе

придает образу героя Б.Пастернака трагическое, а не какое-то иное звучание, и какому содержанию соответствует использование данного понятия.

Казалось бы, более определенное объяснение трагического смысла судьбы Юрия Живаго в романе, правда, без применения термина «трагическое» дает В.С.Баевский. «В социальном плане, – пишет он о романе Б.Л.Пастернака, – это повествование о том, как революция погубила русского интеллигента» [1,с.257]. А поскольку выражение «русский интеллигент» понимается исследователем не только в расширительном, но также и в положительном смысле, то констатация им факта гибели в революции представителя определенной части русского общества начала XX века дает основание воспринимать его как трагическое явление. Ведь согласно современному научному пониманию «сущность трагического в литературе составляет противоречие между значительными общественными и личными интересами и целями, которые последовательно отстаивают герои художественных произведений, и практической невозможностью их осуществления в столкновении с инородными силами (общественными или естественными), что приводит к тяжелым внутренним переживаниям, мучительным страданиям или гибели героев» [10,с.64]. В такое представление об эстетической природе образа центрального персонажа романа Б.Л.Пастернака вполне вписывается, правда, с небольшим уточнением и суждением Б.Соколова. «Доктор Живаго», – указывает он, – это роман о том, «что истинный интеллигент умирает, но не сдается тоталитарной власти» [14,с.45]. Как можно понять, оно в указании исследователя на передачу в произведении непреклонности героя, его верности до конца своим жизненным принципам.

Правда, в уточнении нуждается вопрос о том, насколько выводы, сделанные критиками, соответствуют поведению персонажа, раскрытому в произведении.

Существует также точка зрения, правда, высказанная лишь однажды, согласно которой по своей эстетической природе образ Юрия Живаго в романе не трагический, поскольку конфликт героя с Советской властью в конечном итоге преодолевается. Её автор, Д.С.Лихачев, полагает, что Борис Пастернак

«творит из Юрия Андреевича Живаго представителя русской интеллигенции, не без колебаний и не без духовных потерь принявшей революцию. Живаго-Пастернак приемлет мир, каким бы он ни был в данный момент...» [17,с.174]. Именно такое, «мирное» разрешение конфликта как раз и характерно для категории драматического [5, с.121], которая в данном случае, как можно полагать, и определяет эстетическую природу образа персонажа в произведении. Правда, и эта точка зрения нуждается в дополнительной и более основательной аргументации.

Итак, существующий разнобой в определении эстетической природы образа центрального персонажа романа Б.Л.Пастернака, недостаточная аргументация высказанных суждений исследователями – все это и оправдывает наше обращение к данной проблеме. В то же время сопоставление суждений исследователей о центральном персонаже романа Б.Л.Пастернака с точки зрения сформулированной проблемы с текстом произведения убеждает, что все они сходятся во мнении о передаче автором положительной сущности личности своего героя, с чем нельзя не согласиться. В этом убеждает повествование автора о выборе Юрием Живаго профессии врача, которая дает ему возможность приносить пользу обществу. И не однажды в романе автор показывает, как его герой доказывает это как во время первой мировой войны, так и в годы Гражданской войны в России. Именно этот демократизм героя получает отражение и в других его взглядах на происходящие в стране события. Так, он положительно воспринимает начало революции в стране, поскольку полагает, что она освобождает общество от социальной несправедливости. Правда, по мере того, как развиваются события, показывает писатель, герой разочаровывается в ней. И в этом случае автор предоставляет ему возможность выразить не лишние основания суждения, также характеризующие его положительно. Разочарование Юрия Живаго в происходящих революционных событиях, в передаче автора, происходит потому, что они сопровождаются актами насилия. А ведь, по его мнению, социальная справедливость должна устанавливаться только на основании добра, а не принуждения. Неприятие насилия, защита идеи добра в решении социальных вопросов свидетельствуют об интересе героя к христианскому вероучению, чему в романе посвящено немало страниц. Изменение отношения героя к революции объясняется также и атмосферой духовной несвободы, которая, по его мнению, начинает устанавливаться в обществе. Можно заметить, что взгляды героя на происходящее в стране напоминают позицию русской либеральной интеллигенции того времени, ориентированной «на западные примеры правового обеспечения демократии и свободы» [6,с.214]. Правда, неприятие нового миропорядка у него ограничивается лишь словесными спорами, практически не переходя в активные действия, что в произведении имеет мотивировку. Ведь согласно международной конвенции того времени о Красном Кресте Юрий Живаго как врач не имел права принимать участия

в военных действиях противоборствующих сторон.

Важно при этом отметить, что поскольку образ Юрия Живаго в романе – это художественный образ-персонаж, который современное литературоведение представляет как « яркое, концентрированное воплощение общего, существенного в индивидуальном» [3,с.26], то посредством его автором передается и индивидуальное восприятие происходящих исторических событий в стране. Скажем, приветствуя на первых порах революцию, он сравнивает её с «великолепной хирургией», поскольку её действие состоит в том, чтобы «Взять и разом артистически вырезать старые вонючие язвы! Простой, без обиняков, приговор вековой несправедливости, привыкшей, чтобы ей кланялись, расшаркивались перед ней и приседали» [12,с.269]. Индивидуальным и в то же время положительным представлением на первых порах о революционных событиях, на наш взгляд, можно считать и его реакцию на подселение в квартиры состоятельных людей представителей городской бедноты. «Очень хорошо сделали, что уступили комнаты, – говорит он жене, – ...Я хочу сказать, что в жизни состоятельных было, правда, что-то нездоровое. Бездна лишнего. Лишняя мебель и лишние комнаты в доме, лишние тонкости чувств, лишние выражения. Очень хорошо сделали, что потеснились. Но еще мало. Надо больше»[12,с.240]. Индивидуальная форма выражения общего настроения интеллигенции дает о себе знать в поведении героя Б.Л.Пастернака и тогда, когда наступает разочарование происходящим в стране. Так, в разговоре с Ларисой Федоровной Антиповой свое недовольство происходящим в России Юрий Живаго объясняет не только материальными лишениями, которыми сопровождаются революционные события, но также и тем, что « на поверку оказывается, что под мыслями разумеется одна их видимость, словесный гарнир к возвеличиванию революции и властей предрежущих. Это утомительно и надоедает. Я не мастер по этой части»[12,с.516]. В другом эпизоде романа свое разочарование он объясняет тем, что «всему есть мера. За это время пора было прийти к чему-нибудь. А выяснилось, что для вдохновителей революции суматоха перемен и перестановки единственно родная стихия, что их хлебом не корми, а подай им что-нибудь в масштабе земного шара. Построения миров, переходные периоды – это их самоцель. Ничему другому они не учились, ничего не умеют..., откуда суэта этих вечных приготовлений? От отсутствия определенных готовых способностей, от неодаренности»[12,с.389].

И все же даже на уровне словесного неприятия событий революции и Гражданской войны в России позиция героя Б.Л.Пастернака уязвима. Ведь для того, чтобы установление социальной справедливости в стране происходило мирно, без насилия, как об этом утверждается в христианском вероучении, к авторитету которого обращается герой, нужно желание обеих противоборствующих сторон. А его-то, показывает автор, как раз и нет. Наоборот, в происходящей борьбе, к сожалению, возобладали не желание примирения, а ожесточен-

ность с обеих сторон, о чем и рассказывается в произведении. Причем невозможно определить, кто же первым из противоборствующих лагерей прибегнул к такому средству решения социальных проблем. Одним из таких конкретных подтверждений сказанного является сцена встречи партизанского отряда, в котором вынужденно оказался Юрий Живаго, с отпущенным колчаковцами партизаном, которого те для острастки его товарищей жестоко изуродовали. Этой же цели служит рассказ о том, как однажды герою пришлось принимать участие в военных действиях партизанского отряда, воюющего на стороне Советской власти, с колчаковцами. «Озверение воюющих, – отмечает он, – к этому времени достигло предела. Пленных не доводили до места назначения, неприятельских раненых прикалывали на поле»[12,с.433]. Или вот еще один эпизод романа, передающий впечатления Юрия Андреевича о Гражданской войне во время пребывания в красном партизанском отряде: «Изуверства белых и красных соперничали по жестокости, попеременно возрастая в ответ одно на другое, точно их перемножали. От крови тошнило, она подступала к горлу и бросалась в голову, ею заплывали глаза»[12,с.475].

В то же время текст романа содержит эпизоды, рассказывающие о том, что именно представители Советской власти стараются найти взаимопонимание с той частью общества, которую представляет в романе Юрий Живаго. Таков, например, в произведении некий «видный политический деятель», которому герой как-то оказал медицинскую помощь «и в его лице приобрел на долгие годы покровителя, избавлявшего его в это полное подозрений и недоверчивое время от многих недоразумений»[12,с.261]. Это и юрист Самдевяттов, социал-демократ по убеждениям, поддерживающий большевиков, с которым познакомился герой во время своего вынужденного скитания по России в поисках места, где можно было бы переждать неспокойное время. Добродушно воспринимая резкие выпады Живаго против новой, революционной власти, против марксистского учения, он помогает ему в затруднительных ситуациях. Даже командир красного партизанского отряда Ливерий Микулицын, мобилизовавший Юрия Живаго как врача во время Гражданской войны, и тот пытается изменить неприязненное отношение последнего к начинаниям Советской власти. Наконец, это сводный брат героя, Евграф, как можно судить по тексту романа, юрист по образованию, пользующийся у Советской власти большим доверием, не раз выручает Юрия Живаго и его семью из сложных ситуаций. Так, например, он помогает продуктами брату в Москве, когда тот заболел тифом. А когда Юрий Живаго по его совету переехал с семьей в имение Варькино, навещает его там и тоже оказывает помощь. Не обошлось без вмешательства Евграфа и тогда, когда в начале 20-х годов он вернулся в Москву, где брат создает ему условия для занятий творчеством, а также помогает устроиться на работу в качестве врача. Более того, описывая возвращение своего героя в Москву в начале 1922 года, когда начинался период нэпа, и,

характеризуя его в качестве «самого двусмысленного и фальшивого из советских периодов»[12,с.584], автор, однако, показывает, что именно в это время Юрий Андреевич смог реализовать некоторые из своих давних замыслов. «Доктор писал маленькие книжки в один лист по самым различным вопросам», – замечает повествователь. Они «содержали философию Юрия Андреевича, изложение его медицинских взглядов, его определения здоровья и нездоровья, мысли о трансформации и эволюции, о личности как биологической основе организма, соображения Юрия Андреевича об истории и религии...», очерки Пугачевских мест, где побывал доктор, стихи Юрия Андреевича и рассказы.

Работы изложены были доступно, в разговорной форме, далекой, однако, от целей, которые ставили себе популяризаторы, потому что заключали в себе мнения спорные, произвольные, недостаточно проверенные, но всегда живые и оригинальные. Книжечки расходились. Любители их ценили»[12,с.594]. Что же касается духовной несвободы, то, как можно судить по тексту произведения, её герой испытал лишь однажды, рассказав своей возлюбленной, Ларисе Федоровне Антиповой, как настороженно представители новой власти отнеслись к его лекции об интуиции. Однако последующий его поступок – переключение деятельности с лекционной работы на врачебную практику, которая могла бы подтвердить его суждения, свидетельствует о том, что неудобства Живаго в духовной сфере в описываемое время были вполне преодолимы.

Есть поэтому определенные основания утверждать, что не без влияния людей, представляющих в романе Советскую власть, а также признаков положительных перемен в обществе и Юрий Живаго меняет свое отношение к происходящему в жизни страны. «Все идет к лучшему, – говорит он, встретившись с друзьями детства, Гордоном и Дудоровым. – Мне невероятно, до страсти хочется жить, а жить ведь значит всегда порываться вперед, к высшему, к совершенству и достигать его» [12,с.605]. Подтверждением сказанному может служить признание героя о том, что начинает налаживаться его личная жизнь и прежде всего взаимоотношения с членами семьи, высланной во Францию. К тому же очередная встреча со своим сводным братом Евграфом и помощь того дают ему возможность найти постоянную работу по своей специальности – врача, заняться другими видами деятельности. Наконец, еще одним свидетельством того, что отношение Юрия Живаго к Советской власти начинает меняться в сторону переоценки прежних о ней взглядов, является, казалось бы, проходной эпизод в романе, который, как замечает автор, однако, «заинтересовал» героя. Суть его состоит в том, что шестилетняя дочь арестованного священника Вонифатия Орлецова Христина, о судьбе которой рассказал его друг Дудоров, стала «по-детски увлеченной последовательницей всего, что ей казалось наиболее неопровержимым в коммунизме» [12,с.603]. А ведь причиной охлаждения прежних, дружеских отношений Юрия Живаго с подростком

Васей Брыкиным, вместе с которым он вернулся в Москву, стала «Очевидность, самодоказанность провозглашенных революцией истин», что « все более привлекало» юношу [12, с.595]. Проявленный же героем интерес к поступку дочери священника, возможно, мог свидетельствовать о том, что он начинает сомневаться в правоте своих суждений о происходящем в стране. Правда, его сомнения еще не окончательны. В разговоре с друзьями он еще во многом уверен в своей правоте. И все же, думается, автор не случайно показывает, что в общении с друзьями детства Юрий Живаго занимает не воинственную, запальчивую, как в других эпизодах романа, а примирительную позицию.

Все сказанное, таким образом, позволяет утверждать, что намечаются признаки разрешения конфликта героя Б.Пастернака с Советской властью в форме примирения персонажа с новым миропорядком в стране. Поэтому эстетическую природу образа данного персонажа, хотя и с некоторой долей осторожности, в первом приближении, можно было бы определить не как трагическую, а как драматическую, поскольку именно эта модификация категории эстетического передает преодоление героем социально-политического конфликта. Осторожность предложенной формулировки объясняется, во-первых, тем, что драматическая эстетическая природа образа персонажа основана на передаче автором политики Советской власти начального этапа ее становления, в том числе и по отношению к той части интеллигенции, настроения которой выражает своим поведением герой романа. С другой стороны, признать такой вывод окончательным возможно лишь при уяснении смысла развязки судьбы персонажа в произведении. А, как известно, повествование о судьбе своего героя писатель завершает тем, что в тот момент, когда жизненные обстоятельства начинают складываться для того благоприятно, в первую свою поездку на работу в больницу с ним случается в трамвае сердечный приступ, от которого он и умирает. Именно эту особенность завершения судьбы героя исследователи, о которых уже шла речь, считают подтверждением трагической природы образа героя Б.Пастернака, поскольку именно с изображением гибели персонажа или его страданий чаще всего связывается представление о трагическом явлении в человеческой жизни [2, с.107]. Казалось бы, убедительность такого понимания подтверждается и самим текстом произведения. Так, в частности, в эпизоде, где рассказывается, как, порываясь уйти после встречи с друзьями по причине нездоровья, Юрий Живаго объясняет свое состояние обстоятельствами не только биологического, но и нравственного порядка. Человек, полагает он, может заболеть и оттого, что ему часто приходится кривить душой, т.е. говорить не то, что он думает на самом деле. Однако анализ тех эпизодов произведения, в которых описываются взаимоотношения героя с представителями Советской власти или же с сочувствующими ей людьми, а это Антипов-Стрельников, юрист Самдевятков, командир партизанского отряда Ливерий Микулицын, свиде-

тельствует, что ни в одном из них герой Бориса Пастернака не показан человеком, который выступает против своих убеждений. Поэтому высказанные им слова в разговоре с друзьями о сердечной болезни, возникающей по причинам нравственного порядка, к нему не имеют отношения, а, следовательно, не могут служить подтверждением как непримиримости конфликта героя с Советской властью, так и, по этой причине, трагической эстетической природы образа героя в романе.

Не подтверждает, на наш взгляд, текст романа и суждение Б.Соколова, согласно которому смерть Юрия Живаго отражает протест героя против тоталитарного режима, формирующегося в стране. Однако ни о каком сопротивлении героя новому укладу жизни в романе не идет речь, поскольку смерть персонажа показана в тот момент, когда благодаря Советской власти он при содействии своего сводного брата Евграфа получил возможность работать и заниматься любимым делом. Изображение же его смерти в произведении имеет иную мотивировку. Дело в том, что, рассказывая о пребывании Юрия Живаго в имении Варыкино, описывая его возвращение в Москву, автор трижды упоминает о симптомах сердечной болезни, унаследованной героем от матери. Другое дело, что испытанные им материальные лишения ускорили ее развитие. Однако считать её следствием негативного воздействия на него складывающегося в России нового миропорядка, из-за которого не только в прямом смысле, но и в переносном, Юрия Живаго убило, как полагают некоторые критики, «отсутствие воздуха» [17, с.206], думается, было бы явной натяжкой. Более того, приведенные ранее эпизоды, передающие отношение представителей Советской власти к герою показывают, что его никак нельзя назвать неприязненным даже со стороны Антипова-Стрельникова, который прозван в народе за свою жестокость Расстрельниковым. В то время как в разговорах с юристом Самдевятковым, поддерживающим новую, революционную власть и командиром партизанского отряда Ливерием Микулицыным, воюющим за неё, Юрий Живаго проявляет порою несдержанность.

Следовательно, с одной стороны, смерть героя от сердечной наследственной болезни явно не может свидетельствовать о неразрешимости социально-политического конфликта героя с Советской властью, так как вызвана причиной не социального, а биологического характера. В то же время, с другой стороны, его смерть представляет собой отражение того факта, что преодоление конфликта персонажа с Советской властью проходило отнюдь не в идиллических, а в сложных, отличающихся «значительным напряжением» условиях, что также фиксируют понятие и термин «драматическое» [9, с.39]. Этот процесс сопровождался материальными лишениями, неизбежными при социальных потрясениях, какими в данном случае оказались революция и Гражданская война, что для здоровья человека, страдающего сердечной болезнью, имело крайне негативные последствия, о чем и повествует роман. Поэтому, передавая необратимость процесса примирения героя как

представителя русской интеллигенции с Советской властью, через изображение его смерти в произведении раскрывается сложность жизненных условий, в которых проходило становление нового уклада, а в лице Юрия Живаго и интеллигенции как части общества. Однако передача сложности жизненных условий через изображение гибели одного из ее представителей отнюдь не следует воспринимать как свидетельство исчезновения в новых социальных условиях слоя общества, который воплощает своим поведением Юрий Живаго. Такое оказывается невозможным не только потому, что автор показал эволюцию своего героя, пересмотр им своего отношения к происходящему, но и также и потому, что при всей важности его роли в общем замысле произведения, он его своей личностью далеко не исчерпывает. Косвенным, опосредованным средством подтверждения этой мысли, на наш взгляд, может служить изображение писателем дальнейшей судьбы друзей детства героя. И Гордон, и Дудоров, восстановленные в правах, возвращаются после войны к своей прежней деятельности. При этом автор отнюдь не приукрашивает их последующую судьбу, о чем свидетельствует его рассказ о пребывании Гордона и Дудорова сначала в концлагере на территории своей страны, а затем – штрафными на войне. Однако, думается, не случайно писатель, показывая крайне сложные условия, в которых они находились, оставляет их в живых. Тем самым, как нам кажется, передается мысль о нужности, необходимости этих людей в обществе, становление которого происходит в стране после революции.

Таким образом, приведенные факты, получившие отражение в тексте произведения, подтверждают точку зрения Д.С.Лихачева, согласно которой в романе передан процесс примирения героя с Советской властью, что и дает основание охарактеризовать эстетическую природу образа персонажа как драматическую.

И все же такое определение эстетической природы образа Юрия Живаго в романе, на наш взгляд, является неполным. Ведь уяснение её происходило на материале лишь социально-политических событий, в которых принимал участие герой и по поводу которых он выражал свои взгляды как представитель определенной части русской интеллигенции того исторического времени. При этом нельзя не заметить, что драматический характер эстетической природы образа героя Б.Л.Пастернака перекликается с аналогичной эстетической природой образов – персонажей, представляющих в произведениях М.Булгакова, А.Н.Толстого и К.Федина судьбу русской интеллигенции в сходный исторический период. Однако раскрытие образа Юрия Живаго в романе Б.Л.Пастернака передано гораздо более широко. Кроме общественной деятельности своего героя, автор показывает его в частной, повседневной жизни. Таково, например, его изображение во взаимоотношениях с дядей Николаем Николаевичем Веденяпиным, со своей будущей женой и её родителями, с друзьями, Гордоном и Дудоровым. Эта область его жизни получает также отражение в заботе о сыне, в поисках

дров и в изображении процесса растопки печки и выполнении других повседневных дел. При этом автор дает понять читателям, что все эти хлопоты занимают очень важное место в жизни персонажа. «Он сошел бы с ума, – замечает писатель о своем герое, – если бы не житейские мелочи, труды и заботы. Жена, ребенок, необходимость добывать деньги были его спасением, – насущное, смиренное, бытовой обиход, служба, хождение по больным» [12, с.256]. Однако и этим не исчерпывается изображение героя в романе. Оно распространяется на сферу его профессиональной деятельности как врача. Показан также интерес героя к поэтическому творчеству, к природе, к религии и ко многим другим явлениям. При этом автор не ограничивается передачей широты связей своего героя с окружающим миром. Он обращает внимание читателей на одаренность своего героя в разных сферах деятельности. Скажем, будучи врачом по профессии, Юрий Андреевич Живаго обладает даром, опираясь на интуицию, мгновенно и безошибочно устанавливать диагноз заболевания пациента. На многих страницах романа писатель раскрывает остроту восприятия героем природы, демонстрирует его незаурядный поэтический дар, его мыслительные способности в рассуждениях об истории, религии, человеческой личности. Он обладает обширным запасом слов, чтобы думать обо всем естественно и связно. Все это как раз и определяет уникальность и вместе с тем привлекательность и обаятельность его личности, к которой не могут остаться равнодушными окружающие героя люди. И эта особенность изображения персонажа не осталась без внимания исследователей. Ими было справедливо замечено, что все это, переданное автором, дает о нем в произведении представление как о неповторимой, самоценной личности [15, с.379]. Конечно, было бы ошибкой утверждать, что исторические обстоятельства не оказывают влияния на Юрия Живаго в этом его качестве. Однако оно проявляется иначе, чем тогда, когда анализировалась реакция героя на исторические события как представителя интеллигенции. Так, оказавшись в партизанском отряде и лишь один раз принявший участие в сражении с гимназистами, воюющими на стороне колчаковцев, и, симпатизируя им в душе, он, однако, руководствуясь инстинктом самосохранения, не выразил открыто свои чувства, опасаясь, что может быть застрелен участниками происходящего сражения как с той, так и с иной стороны. Или вот поведение героя в другом эпизоде. Уходя тайком из партизанского отряда, он делает это не только по причине несогласия с политикой Советской власти, которая проводится командиром отряда – Ливерием Микулициным, а движимый сугубо личным чувством тревоги за судьбу своей семьи, о которой вот уже несколько месяцев он не имел никаких известий. Наконец, индивидуальное начало в личности персонажа как проявление его уникальности, самобытности в какой-то степени может служить объяснением одной из причин его смерти. К сказанному по этому поводу прежде (наследственная предрасположенность к сердечному заболеванию и материальные лишения в годы Гражданской

войны и последующий период), наверное, следовало бы добавить особенность восприятия им жизненных явлений. Явившись основой его поэтического дара, эта черта личности определила впечатлительность героя, острую реакцию на происходящие события, что порою приводило его в болезненное состояние, о чем не раз говорит автор. Таково, к примеру, его упоминание об обмороке Юры Живаго, десятилетнего мальчика, после похорон матери. Он же теряет сознание, узнав из полученного письма жены об отъезде семьи во Францию. Не менее остро реагирует он на расставание с Ларисой Федоровной Антиповой, своей возлюбленной. «С Юрием Андреевичем творилось что-то несообразное, – пишет автор. – Он медленно сходил с ума. Никогда еще не вел он такого странного существования. Он запустил дом, перестал заботиться о себе, превращал ночи в дни и потерял счет времени, которое прошло с Лариного отъезда. Он пил и писал вещи, посвященные ей...» [12, с. 570]. Можно предположить, что и эта индивидуальная особенность его натуры могла ускорить сердечное заболевание. Текст романа позволяет предположить, что, как и сердечная болезнь, унаследованная героем от матери, его впечатлительность имеет сходную причину своего возникновения, но полученную им уже от отца. Таковую мысль высказывает в романе, сначала еще сомневаясь в ее достоверности, адвокат Комаровский, близко знавший отца Юрия Живаго. «Нет, видимо, вы не в батюшку», – говорит он. А затем, спустя некоторое время, он выражает ее уже более уверенно и определенно: «Нет, пожалуй, вы все же скорее в отца. Такой же пистолет и порох» [12, с. 531].

В то же время автор не идеализирует своего героя, показывает, что тот не лишен недостатков, на что справедливо обратили внимание исследователи [7, с. 104]. Так, женившись, казалось бы, по любви на девушке, с которой он познакомился в детстве, он изменяет ей, сойдясь с Ларисой Федоровной Антиповой. Признаться жене в том, что произошло, у него так и не хватает мужества. Не на высоте положения оказался он во взаимоотношениях и со второй любимой его женщиной. Проявив нерешительность в ответственный момент, он отпускает её с ненавистным ей человеком, адвокатом Комаровским и теряет навсегда. Далеко не всегда правым выглядит герой Пастернака в отношениях со своими друзьями, Гордоном и Дудоровым. В передаче автора бросается в глаза безапелляционность, самоуверенность героя при обсуждении затронутых в разговоре с ними вопросов. Однако, хотя и показывая недостатки своего героя, писатель все же делает главный акцент на его достоинствах. Подтверждением этого, на наш взгляд, является изображение в произведении похорон героя, во время которых проводить Юрия Живаго в последний путь собралось много людей. Среди них были и такие, кто не был с ним даже знаком при жизни. Значительность постигшей общество утраты, вызванной смертью героя, автор передает, используя прием случайного совпадения событий. Так, именно в день смерти Юрия Живаго в Москву приезжает его возлюбленная, Лариса Федоровна Антипова и

заходит в ту же квартиру, где находится тело Юрия Андреевича. Сказанные ею слова о своем чувстве к нему еще более усиливают значительность происшедшего и тяжесть утраты. Этой же цели служит изображение принесенных цветов, которые «были заменой недостающего пения и отсутствующего обряда». При этом они «не просто цвели и благоухали, – замечает автор, – но как бы хором, может быть, ускоряя этим тление, источали свой запах, и, оделяя всех своей душистой силой, как бы что-то совершали» [12, с. 616]. Для подтверждения и усиления мысли о том, что смерть героя – это невосполнимая утрата, автор вводит в эпилоге романа воспоминания друзей о герое. Именно благодаря всему этому изображение в романе образа Юрия Живаго как уникальной, неповторимой личности приобретает трагическое звучание.

Может, правда, показаться, что придание автором трагической тональности образу Юрия Живаго выглядит в произведении все же несколько нарочитым. Ведь выпавшие на долю героя испытания не идут в сравнение с мытарствами, которые довелось перенести его друзьям детства. Он ни разу не был арестован, не сидел в лагерях, избежал даже самого легкого наказания. Материальные лишения ему помогли преодолевать равнодушные люди, встретившиеся на его жизненном пути. Поэтому даже при склонности к сердечному заболеванию его смерть выглядит, казалось бы, не очень оправданной и убедительной. Однако такая завершенность его судьбы, равно как и упоминание о том, что это произошло в конце августа 1929 года, на наш взгляд, имеет достаточно убедительное художественное объяснение. Как нам представляется, суть авторского замысла состояла в том, чтобы показать, что даже относительно благополучный период в жизни страны по сравнению с последующим – 30-ми годами – оказался для героя непосильным испытанием, приведшим его к смерти. Тем самым передавалась мысль о необходимости бережного отношения со стороны общества и государства к творческой, самобытной личности, какой в романе Б.Л. Пастернака предстает Юрий Андреевич Живаго.

И все же в некоторых моментах трагическое звучание образа центрального персонажа, переданного как неповторимая, самоценная личность, выглядит несколько ослабленным, не в полной мере воплощает эстетический эффект трагического. Возможно, это происходит, во-первых, потому, что показанные автором личные недостатки героя далеко не в полной мере компенсируются, восполняются его положительными качествами. Кроме того, называя достоинства своего героя, писатель далеко не всегда подтверждает их конкретными примерами, порою ограничиваясь лишь их констатацией. Так, характеризуя увлечение Юрия Живаго поэтическим творчеством, автор замечает, что тот своим «стихам прощал грех их возникновения за их энергию и оригинальность» [12, с. 120]. Такая оценка начинающим поэтом своего творчества выглядит психологически не очень убедительной. Ведь герой показан в начале творческого пути, и ему еще предстоит узнать, что

же такое «энергия стихов и их оригинальность». В другом эпизоде романа, обращаясь к герою с просьбой её успокоить, Анна Ивановна, мать будущей жены героя говорит ему: «Ты талантливый». Однако в чем состоит его талантливость, так и остается неясным для читателей, приступивших к чтению произведения. Аналогичным образом построен эпизод, в котором передает свои впечатления о герое Лариса Федоровна Антипова, работающая во время первой мировой войны вместе с ним в одном госпитале: «Странный любопытный человек... Молодой и нелюбезный. Курносый и нельзя сказать, чтобы очень красивый. Но умный в лучшем смысле слова, с живым, подкупающим умом» [12,с.192]. Правда, и эта характеристика героя ничем конкретно не подкреплена. К тому же выражение «умный в лучшем смысле этого слова» предполагает по аналогии высказывание «умный в худшем смысле этого слова». Как же в таком случае следует понимать последнее? Или вот как, например, в передаче автора герой характеризует своего друга Гордона. «Гордон был хорош, – замечает он, – пока тяжело мыслил и изъяснялся уныло и нескладно. Он был лучшим другом Юрия Андреевича» [12,с.246]. Получается, что именно своими недостатками Гордон нравится Юрию Живаго. Невольно в таком случае напрашивается объяснение положительного отношения героя к своему другу тем, что недостатки того оттеняют достоинства героя Пастернака.** Или вот другой эпизод произведения, рассказывающий о встрече и беседе Юрия Живаго с друзьями детства после возвращения в Москву. Передавая в нем такие положительные черты личности героя, как его богатый словарный запас, умение свободно излагать свои мысли, автор отмечает, что эти качества отсутствовали у его друзей. Поэтому они испытывали затруднения, выражая свои мысли и чувства. «Его друзьям не хватало нужных выражений. Они не владели даром речи. В восполнение бедного словаря они, разговаривая, расхаживали по комнате, затягивались папиросою, размахивали руками, по несколько раз повторяли одно и то же («Это, брат, нечестно, вот именно, нечестно, да, да, нечестно»)[12,с.601]. Однако на других страницах романа писатель, описывая их, вольно или невольно опровергает приведенные выше суждения. Он, например, говорит о том, что и Гордон, и Дудоров имеют высшее гуманитарное образование. Первый из них закончил философский факультет. Был редактором гектографического студенческого журнала. Дудоров же после успешного окончания исторического факультета был оставлен в качестве преподавателя сразу на двух кафедрах, что, по-видимому, свидетельствовало о его незаурядных способностях в научной работе. Высокий интеллектуальный уровень друзей героя подтверждается в романе не только указанием на их профессиональный статус, но и суждениями по волнующим их проблемам. Такими, например, размышления Гордона при встрече с Юрием Живаго во время первой мировой войны о христианстве или же его разговор с Дудоровым при встрече во время Великой Отечественной войны о событиях предвоенного времени. В свете всего ска-

занного подчеркивание автором интеллектуального превосходства своего героя перед его друзьями, на наш взгляд, выглядит неубедительно.

Таким образом, проведенный анализ романа Б.Л.Пастернака с точки зрения сформулированной проблемы, как нам кажется, позволяет прийти к выводу о том, что особенности эстетической природы образа центрального персонажа произведения наиболее точно передают понятие и термин «драматическо-трагическое». Такой двойственный характер эстетической природы образа центрального персонажа обусловлен тем, что он отражает в произведении через образ Юрия Андреевича Живаго два момента, определяющие особенности личности героя. Они вполне соответствуют представлению о личности в современной науке. Как отмечается в одной из работ последнего времени, в «личности важно видеть не только единое и общее, но и уникальное. Углубленное постижение сущности личности предполагает рассмотрение ее не только как социального, но и еще индивидуально-самобытного существа» [16,с.334]. Так, с одной стороны, автор передает в своем герое черты, отражающие поведение той части русской интеллигенции, которая в годы революции и Гражданской войны, а также в последующий период приходит к признанию Советской власти и к примирению с ней. Именно такая её позиция получила в романе Б.Л.Пастернака выражение в драматической эстетической природе образа Юрия Живаго. С другой стороны, в образе центрального персонажа отражен и другой момент его личности, который предполагает рассмотрение Юрия Живаго не как социального, а как индивидуально-самостоятельного и самоценного существа. Воссоздание в данном образе-персонаже этих признаков и изображение смерти Юрия Живаго вследствие сердечной болезни – все это и дает основание определить его эстетическую природу как трагическую. Правда, изображение недостатков героя, а также некоторые шероховатости при раскрытии автором положительных качеств героя в некоторой степени ослабляют звучание этой трагической тональности образа.

Драматический характер эстетической природы образа Юрия Живаго, на наш взгляд, свидетельствовал о продолжении Б.Л.Пастернаком той тенденции в раскрытии темы «интеллигенция и революция», которая получила свое воплощение в творчестве М.Булгакова (пьесы «Дни Турбиных», «Бег»), А.Н.Толстого (трилогия «Хождение по мукам»), К.Федина (роман «Города и годы»). Однако его сочетание с трагической эстетической природой образа героя, основанной на передаче в личности персонажа момента уникального, самоценного, как нам кажется, позволяет говорить о вкладе писателя в раскрытие данной темы по сравнению со своими предшественниками.

Уяснение эстетической природы образа центрального персонажа в романе Б.Л.Пастернака в то же время предоставляет дополнительные аргументы к уже существующим доводам [18,с.45], которые опровергают утверждение об антисоветском характере его произведения. Возникшее в советской кри-

тике в конце 50-х годов XX века и основанное, прежде всего, на восприятии в романе именно образа Юрия Живаго, оно послужило причиной далеко не всегда справедливых упреков в адрес писателя.

Примечания

* Говоря об эстетической природе образа данного персонажа, имеется в виду та основная, качественная особенность его художественного воплощения, которая в большинстве случаев передается исследователями через понятие и термин одной из конкретных разновидностей наиболее общей категории эстетики, именуемой «эстетическое». При этом учитывается и мнение тех исследователей, которые полагают, что эстетическая оценка явления во всех ее видоизменениях «есть сложный, целостный синтез оценок морально-идеологических, философских, социально-психологических, эмоциональных, культурно-художественных, которые выражены в художественном произведении» [4, с. 127].

** Что такая трактовка не лишена основания, подтверждает эпизод встречи героя с друзьями после возвращения в Москву, во время беседы с которыми он приходит к такому выводу: «Единственно живое и яркое в вас это то, что вы жили в одно время со мной и меня знали» [12, с. 602].

Литература

- 1.Баевский В.С. История русской литературы XX века. Компендиум. /В.С.Баевский – М.: Языки русской культуры, 1999. – 408 с.
- 2.Борев Юрий. Эстетика / Юрий Борев – М.: Русь-Олимп: АКТ: Астрель, 2005. – 829 с.
- 3.Введение в литературоведение: Учебное пособие. Под ред. Л.В.Чернец. – 2-е изд., перераб. и доп. / Введение в литературоведение. – М.: Высшая школа, 2004. – 680 с.
- 4.Волкова Е.В. Произведение искусства – предмет эстетического анализа. Под ред. проф. М.Ф. Овсянникова. / Е.В.Волкова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. – 286с.
- 5.Волков И.Ф. Теория литературы: Учебное пособие для студентов и преподавателей. / И.Ф.Волков – М.: Просвещение; Владос, 1995. – 256с.
- 6.Емельянов Б.В., Любутин К.Н. В конце века вновь о «Вехах» (послесловие)// Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. /Б.В.Емельянов, К.Н.Любутин. – Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1991. – С.207-223.
- 7.Зайцев В.А. История русской литературы второй половины XX века: Учебник / В.А.Зайцев, А. П. Герасименко. – М.: Высш. шк., 2004. – 455с.
- 8.Карпов А. Интеллигенция. Революция. Культура. // История советской литературы: новый взгляд. По материалам Всесоюзной научно-творческой конференции. 11-12 мая 1989г. Москва. Часть 2.– М.: Наука, 1990. – С.43-59.
- 9.Кормилов С.И. Основные понятия теории литературы. Литературное произведение. Проза и стих. В помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам. – М.: Изд-во МГУ,1999. – 112с.
- 10.Лазарева М.А. Трагическое в литературе. Лекции. /М.А.Лазарева – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. – 119 с.
- 11.Лейдерман Н.Л. Современная русская литература: 1950-1990-е годы. В 2т.: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. Т.1. 1953-1968 / Н.Л.Лейдерман, М.Н.Липовецкий. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательский центр «Академия», 2006. – 416с.
12. Пастернак Борис. Доктор Живаго. Роман. / Борис Пастернак. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. – 704с.
- 13.Роговер Е.С. Русская литература XX века: Учебное пособие. – 2-е изд., дополненное и переработанное./ Е.С.Роговер. – СПб, Москва: САГА: ФОРУМ, 2006. – 496с.
14. Соколов Б. Кто Вы, Доктор Живаго? / Б.Соколов. – М.: Яуза, Эксмо, 2006. – 352 с.
- 15.Солнцева Н.М. Б.Л.Пастернак.// История русской литературы XX века (20-90-е годы): Основные имена: Учебное пособие для филологических факультетов университетов. / Отв. редактор С.И.Кормилов. – 2-е издание, исправленное и дополненное./ Н.М.Солнцева. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2008. – С.365-384.
- 16.Спиркин А.Г. Философия: учебник / А.Г.Спиркин. – 2-е изд. – М.: Гардарики, 2007. – 736с.
- 17.С разных точек зрения: «Доктор Живаго» Б.Пастернака. – М.: Сов. писатель, 1990. – 288с.
- 18.Сухих И.Н. Живаго жизнь: стихи и стихия. //Борис Пастернак. Доктор Живаго. Роман. / И.Н.Сухих. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012.– С.5-46.

Станислав Шошура

ПРОБЛЕМА ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ

ОБРАЗА ЦЕНТРАЛЬНОГО ПЕРСОНАЖА В РОМАНЕ Б.Л.ПАСТЕРНАКА «ДОКТОР ЖИВАГО»

Аннотация. Эстетическая природа образа центрального персонажа в романе Б.Л.Пастернака «Доктор Живаго» исследуется в статье на основе представления о качественном своеобразии эстетического сознания, а также с учетом как социального, так и индивидуально-неповторимого моментов в личности героя произведения.

Ключевые слова: эстетическая природа, образ центрального персонажа, качественное своеобразие эстетического сознания, социальное и индивидуально-неповторимое в личности.

Stanislav Shoshura

THE PROBLEM OF THE AESTHETIC NATURE OF AN IMAGE OF THE CENTRAL CHARACTER IN B.PASTERNAK'S NOVEL «DOCTOR ZHIVAGO»

Summary. The aesthetic nature of an image of the central character in B.Pasternak's novel «Doctor Zhivago» is investigated in article on the basis of representation about a qualitative originality of aesthetic consciousness, and also with the account both, social and individually-unique the moments in the person of the hero of work.

Keywords: the aesthetic nature, an image of the central character, a qualitative originality of aesthetic consciousness, social and individually-unique in the person.

Стаття надійшла до редакції
18 квітня 2013 року